

ник позднейшей мистификацией, и защитниками его подлинности, Пиккио заявляет, что «при современном состоянии исследований можно сказать, что аргументы в пользу подлинности более многочисленны и лучше документированы, нежели аргументы скептиков» (стр. 101). К удачно написанному разделу о «Слове» можно было бы сделать одно критическое замечание. Рассматривая вступление «Слова», Пиккио указывает, что оно написано в «гомеровском стиле, восходящем, вероятно, к византийской хронике Манасии». Неубедительность этого утверждения станет ясной, если принять во внимание, что сама хроника Константина Манасии была создана в период правления императора Мануила I Комнина, т. е. между 1143 и 1150 гг.; следовательно, нужно было бы предположить, что автор «Слова» познакомился с рифмованной византийской хроникой вскоре после ее появления. Среднеболгарский перевод, который позже нашел распространение и в русских землях, был сделан лишь в XIV в., около 1331—1340 гг., а более древний русский перевод, который мог быть использован составителем «Слова», не известен. Таким образом, известную общность в начальных частях этих двух произведений следовало бы объяснить иначе, а не непосредственно влиянием хроники Манасии на «Слово».

В главе, посвященной развитию повествовательной и риторической религиозной литературы, Пиккио приводит хорошо подобранные сведения о Киево-Печерском патерике, проповедях Луки Жидяты, Климента Смолятича, Кирилла Туровского и Серапиона Владимирского. Автор подчеркивает отход этих литературных жанров от византийского и южнославянского влияния и оформление произведений с типично русскими особенностями. Затрагивая творчество Климента Смолятича, Пиккио останавливается на его послании к священнику Фоме, в котором Климент оправдывается по поводу обвинений в использовании писаний древнегреческих, языческих философов. «Факт, что Гомер, Аристотель и Платон воскресают в молодой славянской православной культуре XIII в., — пишет Пиккио, — мог бы нам подсказать интересные сопоставления с современной культурой латинского Запада и позволить нам увидеть далекие, к сожалению, быстро прерванные предпосылки гуманистического возрождения» (стр. 112). Сопоставление, несомненно, интересно; однако, как мне кажется, прежде всего следовало бы думать о параллели с византийским возрождением XI—XII вв., виднейшими представителями которого были писатель и ученый Михаил Пселл (1018—около 1097) и философ-неоплатоник Иоанн Итал. Не входя здесь в подробности, я мог бы указать как на известную параллель к посланию Климента Смолятича на знаменитое послание Михаила Пселла, направленное его приятелю, позже царьградскому патриарху Иоанну VIII Ксифилину (1064—1075), приверженцу Аристотеля, в котором Пселл оправдывается по поводу обвинений в увлечении Платоном. «Мой Платон, о пресветый и премудрый мой, о земля и солнце...», — начинает свое послание византийский философ.¹⁶ Следовательно, послание Климента Смолятича нужно было бы исследовать именно в связи с такими памятниками византийской литературы XI—XII вв., прежде чем думать о сопоставлениях с Западом.

Посвятив несколько страниц житиям Александра Невского, автор переходит к «Слову о погибели Русския земли» и дает весь его текст в переводе, говорит о повествованиях о татарском нашествии и о Галицко-Волынской летописи, определяя Повесть о разорении Рязани Батыем в 1237 г. как один из лучших образцов древнерусской прозы. Весьма подробно рассмотрено «Моление» Даниила Заточника, «редкий памятник светской

¹⁶ Послание издано в кн.: С. N. Sathas, Bibliotheca graeca medii sevi, V. Pselli Miscellanea. Paris, 1876, стр. 444—451.